

A movie poster featuring a family of five in a grand, ornate house. A woman with long dark hair stands in the center, looking off to the side with a serious expression. To her left, a young boy and a young girl look on with similar expressions. In front of her, a young boy holds a small, brown, bat-like creature. To the right, a man in a dark coat stands with his back to the camera, looking out. The background shows a large staircase and arched windows.

Диана Фурсова

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

ДОМ ДЛЯ ЕГО
ПРОКЛЯТЫХ НАСЛЕДНИКОВ

Диана Фурсова

Развод с драконом. Дом для его проклятых наследников

<https://litres.ru/74205724>

Аннотация

В день развода Дамеран Роуд отрекается от жены при Совете и отдаёт ей в качестве отступного старый Дом Семи Порогов — мрачное родовое владение, куда никто не хочет входить.

Но вместе с домом Эвира получает не свободу, а троих детей Дамерана: Лиссара, Тайру и Мелла. В роду их называют проклятыми наследниками. Один не может удержать драконий огонь, другая боится зеркал, третий слышит голоса в стенах.

Эвира должна была сломаться, отказаться от дома и исчезнуть из жизни бывшего мужа. Но дом неожиданно выбирает её хозяйкой. И чем сильнее Совет пытается доказать, что дети опасны, тем яснее становится: проклятие — ложь, а настоящая тайна спрятана в прошлом рода Роудов.

Теперь Эвире предстоит защитить детей, раскрыть заговор Совета и понять, кем для неё стал бывший муж-дракон: предателем, который слишком поздно прозрел, или мужчиной, готовым потерять власть ради тех, кого должен был спасти раньше.

Содержание

Глава 1. Развод при Совете	4
Глава 2. Дом, который не спит	36
Глава 3. Трое наследников без огня	68
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1. Развод при Совете

В день, когда мой муж отрёкся от меня, в зале Совета пахло зимним камнем, свечным воском и чужим торжеством.

Я стояла перед девятью высокими креслами, под сводами, где каждый звук возвращался эхом, будто само здание хотело повторить мой позор несколько раз, чтобы никто не пропустил ни слова. По правую сторону от меня, на расстоянии трёх шагов, стоял Дамеран Роуд — мой муж, глава древнего драконьего рода, мужчина, чью фамилию я носила семь лет и рядом с которым научилась молчать так ровно, что никто не замечал, как внутри меня ломаются тонкие, упрямые надежды.

Сегодня он ни разу не посмотрел мне в глаза.

На нём был чёрный камзол с серебряной застёжкой у горла, знак рода Роудов на плече и то выражение лица, от которого слуги в главном замке вытягивались по струнке. Холодное, собранное, безупречно спокойное. Таким Дамеран становился перед чужими врагами, перед Советом, перед теми, кто пытался оспорить его власть.

Я долго верила, что со мной он никогда не будет таким. Ошиблась.

— Эвира Шанн, прежде Роуд, — произнёс старший советник Иорс Далан, и его голос скользнул по залу, как тонкое лезвие по шёлку, — вы вызваны перед Совет драконьих ро-

дов для окончательного решения брачного договора с лордом Дамераном Роудом.

Слово “окончательного” ударило сильнее, чем я ожидала.

Я знала, зачем меня привезли. Накануне вечером мне передали свиток с печатью Совета, и в нём было всего три сухие строки: явиться без сопровождающих, не покидать отведённые покои до вызова, не вступать в переговоры с представителями рода. Ни “лорд Роуд просит”, ни “ваш муж желает объясниться”. Только приказ.

Но одно дело — видеть печать на бумаге. И совсем другое — стоять под взглядами тех, кто заранее решил, что ты уже проиграла.

Внизу, за полукругом резных перил, собрались представители младших ветвей, несколько старших управляющих, две женщины из рода Норр и ещё с десятков людей, которым почему-то позволили присутствовать при чужом падении. Они смотрели на меня с разным выражением: кто-то с любопытством, кто-то с плохо скрытым злорадством, кто-то с той вежливой пустотой, которой прикрывают страх оказаться рядом с опальным человеком.

У левого окна стояла Северия Норр.

Я узнала её сразу, хотя раньше видела только на приёмах. Высокая, белокурая, в светлом платье, украшенном тонкими драконьими узорами. Она держалась так, словно пришла не на развод, а на собственное представление ко двору. Не улыбалась, нет. Северия была умнее. Она просто смотрела

на меня мягко, почти сочувственно, и от этого взгляда мне стало холоднее, чем от каменного пола под ногами.

— Мне позволено узнать, в чём меня обвиняют? — спросила я.

Голос прозвучал ровно. Слишком ровно для женщины, у которой под ногами исчезал дом, имя и всё, что она семь лет пыталась сохранить.

Иорс Далан чуть приподнял седую бровь.

— Вам всё известно.

— Нет, советник. Мне известно только то, что меня привезли сюда без объяснений.

В зале прошёл едва заметный шорох. Кто-то не ожидал, что я буду говорить. Наверное, после стольких лет в тени Дамерана всем казалось, что я умею только склонять голову и благодарить за милость.

Я действительно умела склонять голову.

Но сегодня мне уже нечего было беречь этим жестом.

Иорс развернул длинный свиток. Красная печать Совета свисала с края, тяжёлая и блестящая, будто капля застывшего огня.

— Совет установил, что брак между вами и лордом Рудом не укрепил род, не дал дому законного продолжения и стал причиной ослабления внутренних печатей главной линии.

Я медленно перевела взгляд на Дамерана.

Он молчал.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Ослабления? — повторила я. — Семь лет я поддерживала дом, принимала гостей, вела переписку с управляющими, закрывала долги младших ветвей после пожара в северных амбарах и не позволила вашему Совету поссориться с тремя соседними родами. Как именно мой брак ослабил Роудов?

Несколько человек внизу переглянулись. Я видела, как напрыглась рука Дамерана, лежавшая на наверху кресла рядом с ним. Он всё ещё не смотрел на меня, но слышал. Конечно, слышал.

— Вы забываетесь, — мягко сказал Иорс.

— Нет. Я вспоминаю.

Эти слова сами сорвались с языка, и в ту же секунду я поняла, что назад пути нет. Не будет ни тихого согласия, ни достойного ухода, ни того красивого молчания, которое от меня, вероятно, ждали.

Семь лет я была удобной женой дракона. Сегодня меня делали лишней.

И если уж меня выталкивали из его рода, я хотя бы хотела знать, почему должна уйти с опущенными глазами.

Иорс постучал пальцем по свитку.

— Вы не смогли стать настоящей драконьей супругой. Не приняли огонь рода. Не родили наследника. Не укрепили линию. Более того, после вашего появления рядом с лордом Роудом его уже существующие наследники стали проявлять

признаки искажения силы.

Вот теперь в груди у меня дрогнуло что-то живое.

Наследники.

Лиссар. Тайра. Мелл.

Трое детей, которых в замке старались не называть детьми.

Старший, вечно молчащий мальчик с глазами взрослого человека. Девочка, смеющаяся так звонко, что становилось понятно: смех этот нужен ей вместо щита. И младший, худенький, слишком тихий Мелл, который однажды спрятался за моей юбкой, когда в коридор вошёл Дамеран, и прошептал: “Не говорите им, что я здесь”.

Я тогда не сказала.

За это меня потом три дня не пускали в детское крыло.

— Дети были такими задолго до нашего брака, — произнесла я, стараясь удержать голос. — Вы это знаете.

— Осторожнее, Эвира, — впервые сказал Дамеран.

Его голос был низким, ровным, знакомым до боли. Когда-то он произносил моё имя иначе. Тише. Не при всех. Так, будто в нём было не предупреждение, а тепло.

Сегодня моё имя в его устах прозвучало как закрытая дверь.

Я повернулась к нему полностью.

— Осторожнее с чем? С правдой?

Он наконец посмотрел на меня.

Тёмные глаза Дамерана были спокойны. Слишком спо-

койны. И в этом спокойствии я увидела не равнодушие, как сначала подумала, а что-то хуже: он уже принял решение. Не сейчас. Не в этом зале. Раньше. Возможно, много дней назад. Может быть, даже месяцев.

Просто мне не сказали.

— Совет располагает свидетельствами, — сказал он. — Не вынуждай меня зачитывать их при всех.

Вот тут боль стала острой.

Не потому, что меня обвиняли. К обвинениям я могла подобрать слова, доводы, факты. Но Дамеран говорил так, будто делал мне последнее одолжение. Будто моё молчание было не правом защищаться, а милостью, которую он ещё готов позволить.

— При всех меня разводят, — сказала я тихо. — При всех лишают имени. При всех обвиняют в бедах твоего рода. Но защищаться мне, оказывается, нужно не при всех, чтобы тебе было удобнее.

На мгновение зал затих.

Даже Иорс Далан перестал шуршать свитком.

У Дамерана изменился взгляд. Не сильно, только чуть темнее стал зрачок, и в глубине его драконьей силы будто шевельнулась тень. Я слишком хорошо знала этот признак. Так он сдерживал гнев.

Раньше я боялась этого.

Теперь мне было почти всё равно.

— Ты не понимаешь, что происходит, — произнёс он.

— Тогда объясни.

Он молчал.

Вот и весь наш брак, подумала я. Семь лет ожидания, что однажды он объяснит. Почему дети заперты в дальнем крыле. Почему Совет имеет право входить в наш дом без приглашения. Почему каждая попытка поговорить о наследниках заканчивается фразой “это не твоё дело”. Почему моя сила, тихая и домашняя, раздражает драконов больше, чем открытая вражда.

Почему муж, который однажды взял меня за руку у алтаря, теперь стоял в трёх шагах и позволял чужим людям превращать меня в ошибку.

— Достаточно, — сказал Иорс.

Он поднялся со своего кресла, и остальные советники последовали за ним не сразу, но послушно. Этот человек не был драконом, но власть вокруг него держалась крепко, как старый замок на двери, которую давно никто не пытался открыть.

— Совет признаёт брак Эвиры Шанн и Дамерана Роуда утратившим силу. С этого дня Эвира Шанн более не принадлежит роду Роуд, не имеет права носить его знак, обращаться к защите главной ветви и распоряжаться имуществом рода.

У меня на запястье потеплел брачный браслет.

Тонкий обруч из тёмного драконьего серебра семь лет лежал на коже почти невесомо. Я привыкла к нему так, как привыкают к собственному дыханию. Иногда забывала, что

он есть. Иногда касалась его ночью, когда в замке становилось слишком тихо, и напоминала себе: я не чужая. Меня выбрали. Я здесь не случайно.

Теперь браслет сжал руку.

Не больно. Хуже. Окончательно.

По металлу прошла трещина. Сначала одна, тонкая, как волос. Потом вторая. Третья. Серебро потемнело, и обруч сам раскрылся, упав к моим ногам.

Звук был негромким.

Но я слышала его так ясно, будто что-то разбилось не на полу, а внутри меня.

Внизу кто-то вздохнул. Северия Норр опустила глаза, но я успела заметить, как её пальцы легли на собственное запястье. Там пока не было браслета. Пока.

Я не наклонилась за своим.

Не хотела, чтобы они видели, как у меня дрожат руки.

Иорс продолжил:

— По решению Совета и с согласия лорда Роуда бывшей супруге передаётся отступное, достаточное для её дальнейшего самостоятельного положения.

Слово “отступное” вызвало в зале новый шорох. Кто-то ожидал щедрости. Дамеран мог позволить себе быть щедрым. Золото, земля, дом у южного озера, небольшой доход с торговой дороги — всё это выглядело бы достойно. Красиво. Так, чтобы завтра никто не сказал, будто глава рода Роуд выставил бывшую жену без куска хлеба.

Но Иорс сделал паузу.

И я вдруг поняла, что никакого красивого исхода не будет.

— Эвире Шанн передаётся Дом Семи Порогов, — произнёс он.

Сначала я даже не поняла.

Потом по залу прокатился смех.

Не громкий, не открытый. Сдержанный смешок у окна. Кашель, которым кто-то попытался прикрыть веселье. Шёпот за моей спиной.

Дом Семи Порогов.

Старая родовая усадьба на окраине земель Роудов. Место, о котором слуги говорили только вполголоса. Дом с заколоченными окнами, дверями, которые не открывались с первого раза, и коридорами, где по ночам слышались шаги тех, кто давно должен был уйти. Туда отправляли ненужные вещи, старые портреты, списанные книги и людей, о которых роду было удобнее забыть.

Когда-то, ещё в первый год брака, я спросила Дамерана, почему дом заброшен. Он ответил коротко:

— Он не принимает хозяев.

Тогда я подумала, что это просто красивая драконья мрачность. У древних родов всегда хватало легенд, чтобы пугать детей и впечатлять гостей.

Теперь этот дом отдавали мне.

Как милость.

Как насмешку.

Как ссылку, оформленную печатью Совета.

— Дом Семи Порогов непригоден для проживания, — сказала я.

— Он стоит на земле рода Роуд, имеет стены, крышу и законный статус владения, — ответил Иорс. — Этого достаточно.

— Для кого?

— Для женщины, более не связанной с главным замком.

Я медленно вдохнула, чувствуя, как холодный воздух режет горло. Нельзя было сорваться. Нельзя было позволить им увидеть, что они попали точно в цель. Мне хотели вручить не дом. Мне хотели вручить доказательство того, что я больше ничего не стою.

Дамеран стоял неподвижно.

Я посмотрела на него и спросила:

— Это ты выбрал?

Он выдержал мой взгляд.

— Я согласился.

Честнее было бы ударить.

Я кивнула, потому что если бы заговорила сразу, голос мог меня выдать.

— Понимаю.

На самом деле я ничего не понимала. Ни как он смог. Ни почему поверил чужим словам. Ни почему не сказал мне сам. Ни почему сейчас, когда меня отдавали старому дому на краю его земель, в его лице не было ни сожаления, ни со-

мнения, ни хотя бы злости на тех, кто смеялся.

Иорс будто только этого и ждал.

— Вместе с Домом Семи Порогов на временное попечение Эвиры Шанн передаются трое младших представителей рода Роуд, ранее размещённых в указанном владении.

Тишина стала такой плотной, что я слышала, как за окнами каркнула птица.

Я повернулась к советнику.

— Что?

— Лиссар Роуд, Тайра Роуд и Мелл Роуд, — невозмутимо перечислил Иорс. — Ввиду вашего многолетнего интереса к их положению Совет счёл возможным соединить вашу дальнейшую судьбу с их пребыванием в Доме Семи Порогов.

Многолетнего интереса.

Так теперь называлось то, что я пыталась передать детям тёплые одеяла, просила открыть окна в их крыле, спорила с управляющими, когда Тайру не пустили на праздник Огня, а Лиссара заставили стоять перед взрослыми, пока он не сумел зажечь свечу. Так называлось то, что я однажды просидела полночи в коридоре, потому что маленький Мелл плакал за закрытой дверью и не позволял никому войти, кроме меня.

Интерес.

Какая удобная замена слову “жалость”. Или слову “любовь”, которое мне не позволялось испытывать к чужим детям.

— Они не вещи, — сказала я.

— Разумеется, — сухо ответил Иорс. — Именно поэтому им требуется надзор.

Я услышала, как Дамеран выдохнул.

Коротко. Резко.

Значит, это не было частью его решения. Или было, но теперь даже ему стало неприятно, как это прозвучало.

Поздно.

Я повернулась к нему.

— Ты оставляешь детей там?

Впервые его спокойствие дало трещину. Совсем маленькую, почти незаметную. Он отвёл взгляд в сторону старшего советника, и я поняла: между ними уже был разговор. Может быть, не об этом. Может быть, Дамеран думал, что дети останутся под охраной рода, а меня просто уберут с дороги. Может быть, ему самому объяснили это как временную меру.

Как удобно, когда жестокость называют временной мерой.

— Дом Семи Порогов находится под защитой рода, — произнёс он.

— Дети находятся под защитой? — спросила я. — Или под замком?

— Эвира.

— Ответь.

В зале снова пошёл шёпот. Я видела, как Иорс чуть прищурился. Ему не нравилось, что разговор уходил туда, где сухая формулировка начинала пахнуть живой бедой.

Дамеран смотрел на меня долго. В его глазах было преду-

преждение, усталость и что-то ещё, чему я не хотела давать имени. Потому что если бы дала, могла бы не выдержать.

— Это решение принято ради безопасности рода, — сказал он наконец.

Вот и всё.

Не ради детей.

Ради рода.

Я вдруг ясно вспомнила Мелла: как он сидел на полу у окна, прижимая к груди деревянного дракончика с отломанным крылом. Я тогда спросила, почему игрушку не починят. Он посмотрел на меня серьёзно и ответил: “Потому что у нас в крыле ничего не чинят. Только закрывают двери”.

Теперь мне отдавали дом с закрытыми дверями.

И троих детей, которых род тоже не собирался чинить. Нет, не чинить. Возвращать. Беречь. Слышать. Я даже мысленно не хотела подбирать к ним слова, которыми пользовался Совет.

— На какой срок? — спросила я.

Иорс улыбнулся.

— До пересмотра положения наследников.

— Когда он состоится?

— Когда Совет сочтёт нужным.

То есть никогда.

Я опустила взгляд на браслет у своих ног. Серебро больше не блестело. Оно стало тусклым, чужим, мёртвым. Рядом с ним на каменном полу лежала моя прежняя жизнь, аккурат-

но разломанная решением девяти людей и молчанием одного мужчины.

Можно было отказаться.

Наверное, именно этого они ждали. Что я возмущусь, скажу, что не обязана отвечать за чужих детей, что Дом Семи Порогов — оскорбление, что мне причитается больше. Тогда Совет с удовольствием объявит меня жадной, недостойной, равнодушной. Дамеран окончательно убедится, что все их слова обо мне были правдой. Северия Норр опустит ресницы и станет ещё чище на моём фоне.

А дети останутся там.

Среди шёпота стен, закрытых дверей и взрослых, которые называли их угрозой.

Я подняла голову.

— Я принимаю Дом Семи Порогов.

Смех в зале оборвался.

Иорс застыл на полуслове. Кажется, он готовился к долгому спору, к моим слезам, к просьбам, к тому унижительному торгу, в котором мне позволили бы вымолить немного денег вместо проклятой усадьбы. Но я не торговалась.

Я смотрела только на Дамерана.

— И принимаю ответственность за Лиссара, Тайру и Мелла, пока Совет не найдёт в себе достаточно чести назвать их детьми, а не положением для пересмотра.

Теперь уже никто не шептался.

Дамеран сделал шаг ко мне. Всего один, но я заметила,

как напряглись советники.

— Эвира, ты не понимаешь, что берёшь на себя.

Я усмехнулась. Нехорошо, криво, совсем не так, как полагалось бывшей жене древнего дракона.

— Странно. Последние семь лет мне говорили, что я ничего не беру на себя. Что я слабая, лишняя и не подхожу твоему роду. А теперь вдруг оказалось, что я способна взять слишком много.

Он сжал челюсти.

— Эти дети не просто напуганы.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь.

— Тогда надо было рассказать мне раньше.

Эти слова попали в него. Я увидела. Не по лицу — Даме-ран слишком хорошо владел собой. По тишине вокруг него. Драконья сила, обычно собранная и плотная, на миг качнулась, будто под тяжёлой дверью прошёл сквозняк.

Мне стало больно от этого маленького признака. Больно и зло одновременно.

Потому что часть меня всё ещё искала в нём мужа. Того самого, который когда-то накрыл мою ладонь своей, когда я впервые вошла в главный замок. Того, кто сказал: “Не бойся их. Теперь ты под моей защитой”.

Какая красивая ложь.

— Решение принято, — быстро вмешался Иорс. — Эвира Шанн обязана покинуть главный замок рода Роуд до захода

солнца. Личные вещи будут доставлены позднее после проверки.

— После проверки? — переспросила я.

— Всё имущество, связанное с родом, должно остаться в роду.

Я едва не рассмеялась.

Платья, письма, книги, гребни, ленты, маленькая шкатулка с засушенными лепестками с нашего свадебного венца — всё это теперь тоже требовало проверки. Как будто в моих вещах могла прятаться сила, способная разрушить Роудов больше, чем их собственная жестокость.

— Оставьте себе, — сказала я.

Иорс моргнул.

— Что именно?

— Всё, что требует проверки. Мне хватит того, что на мне.

Северия у окна чуть заметно подняла голову. Ей, кажется, это не понравилось. Наверное, она ожидала другого: что я буду цепляться за ткани, украшения, письма, за всё, что докажет мою слабость. Но я вдруг поняла, что не хочу выносить из замка ничего, к чему потом придётся прикасаться и вспоминать, как меня отсюда выдавили.

Дамеран наклонился, поднял с пола сломанный браслет и сжал его в кулаке.

Я не ожидала этого движения. Оно было слишком личным для человека, который только что согласился на мой развод. На секунду между нами снова возникло что-то прежнее: не

нежность, нет, но память о ней. О ночах, когда мы сидели у камина в его кабинете. О редких разговорах без свидетелей. О том, как однажды он заснул в кресле, а я укрыла его плащом и утром сделала вид, что не заметила его смущения.

Я ненавидела себя за то, что помнила.

— Тебя отвезут, — сказал он.

— Не нужно.

— Дом далеко.

— Я сказала, не нужно.

— Эвира...

— Лорд Роуд, — перебила я.

Он замолчал.

Впервые за всё заседание я увидела на его лице настоящую реакцию. Не гнев. Не холод. Что-то более резкое, почти болезненное. Будто обращение по титулу ударило его сильнее, чем мои обвинения.

Но разве он не сам этого хотел?

Разве не только что позволил Совету вернуть мне фамилию Шанн, как ненужную вещь, которую достали из сундука и бросили обратно?

— Мне не нужна ваша забота, — сказала я. — Только документ на дом и право войти к детям без ваших управляющих за спиной.

Иорс тут же поднял ладонь.

— Вопрос доступа к наследникам будет регулироваться...

— Нет, — сказал Дамеран.

Одно слово — и весь зал снова замер.

Я медленно повернулась к нему.

Дамеран смотрел уже не на меня, а на Иорса.

— Дом передан Эвире. Дети размещены там. Значит, внутри дома распоряжается она.

Советник побледнел не сильно, но я заметила. У него был опытный, выученный покой человека, привыкшего к чужим поражениям. Но Дамеран всё же оставался главой рода Роудов. Пока оставался.

— Лорд Роуд, — осторожно произнёс Иорс, — это может быть истолковано слишком широко.

— Значит, истолкуйте правильно.

На миг мне захотелось закрыть глаза.

Вот так он и делал. Всегда. Сначала позволял боли слушаться, а потом одним сильным жестом пытался остановить кровь на полу, не признавая, что нож держал тоже он.

Нет. Я не должна была думать так. Не сейчас.

— Благодарю за уточнение, — сказала я спокойно.

Дамеран снова посмотрел на меня. Наверное, ждал чего-то ещё. Может быть, благодарности без яда. Может быть, прежнего “Дамеран”. Может быть, того взгляда, который говорил ему, что я всё равно пойму, оправдаю, останусь внутренне на его стороне.

Но прежняя Эвира закончилась где-то между звоном браслета и словами о детях.

Совет закрыл заседание быстро. Слишком быстро. Иорс

зачитал ещё несколько формулировок: о печатях, правах, границах владения, запрете на появление в главном замке без вызова. Я слушала внимательно, потому что слабые люди выживают не надеждой, а вниманием к мелочам. Если мне оставляли Дом Семи Порогов, я должна была знать каждую строчку, которой меня пытались связать.

Документ оказался тонким. Смешно тонким для приговора, который менял всю мою жизнь.

Я подписала его старым именем.

Эвира Шанн.

Рука не дрогнула, пока перо касалось бумаги. Дрожь пришла позже, когда я вышла из зала в длинный коридор с узкими окнами и поняла, что никто не идёт следом.

Семь лет я была леди Роуд.

И оказалось, что из всей этой жизни за мной не последовало даже эхо шагов.

Только у выхода меня догнал голос Дамерана.

— Эвира.

Я остановилась, но не обернулась сразу. За высокими окнами серело небо, и на стекле отражалась женщина в тёмном платье без родового знака. Лицо бледное, подбородок поднят слишком высоко, будто только упрямство держало голову на месте.

— Что ещё? — спросила я.

Он подошёл не близко. Оставил между нами расстояние, приличное для бывших супругов и совершенно невозмож-

ное для людей, которые когда-то спали в одной постели.

— В Доме Семи Порогов есть правила.

Я всё-таки повернулась.

— Не входить в седьмую дверь? Не верить шёпоту стен?
Не оставлять свечи у восточных окон?

Он нахмурился.

— Кто тебе это говорил?

Я усмехнулась, хотя веселья не было.

— Слуги. В твоём доме плохо хранят тайны, которые считают сказками.

— Это не сказки.

Его тон изменился. Стал тише. Не мягче, но глубже. Так Дамеран говорил о вещах, которые не хотел обсуждать при чужих.

Я внимательно посмотрела на него.

— Тогда почему ты отправляешь туда детей?

Он отвёл взгляд к окну. На его скуле дёрнулась тень.

— Я не отправлял их туда.

— Но они там.

— Да.

— Давно?

Он молчал слишком долго.

Ответ стал ясен без слов.

Горло сжалось, но я не позволила себе ни одного лишнего движения.

— Сколько?

— Мелл — почти год. Тайра — дольше. Лиссар...

Он не договорил.

Я вспомнила старшего мальчика, которого видела в главном замке всё реже. Мне говорили, что его обучают отдельно. Что наследнику нужна строгая подготовка. Что моё присутствие мешает. Я верила не всему, но мне не давали пройти дальше дверей, а Дамеран каждый раз отвечал: “Не сейчас”.

Не сейчас длилось годами.

— Ты позволил мне думать, что они в северном крыле, — сказала я.

— Я думал, так будет безопаснее для всех.

— Для всех, кроме них.

Он закрыл глаза на одно мгновение. Когда открыл, прежний холод уже вернулся.

— Лиссар опасен, когда теряет контроль. Тайра ломает отражающие печати. Мелл слышит то, чего не должен слышать никто. Ты не представляешь, что происходит рядом с ними.

— А они представляют, что происходит рядом со взрослыми? — спросила я. — С теми, кто их боится?

Дамеран ничего не ответил.

Откуда-то из конца коридора появились двое слуг. Они шли медленно, делая вид, что заняты своими делами, но я видела, как внимательно они прислушиваются.

Дамеран тоже увидел.

— Я пришлю людей с провизией и охраной.

— Нет.

— Это не просьба.

— А я больше не твоя жена, чтобы принимать приказы вежливо.

Он резко посмотрел на меня.

Я сама удивилась своим словам. Не потому, что жалела. Просто раньше они не вышли бы из меня так легко.

— Дети должны есть, — сказал он глухо.

— Тогда пришли еду к воротам. Не людей, которые будут смотреть на них как на угрозу. Не управляющих, которые станут докладывать Совету, сколько раз Мелл заговорил со стеной. Не слуг, которые шепчутся за дверями. Еду, тёплые одеяла, чистую ткань, инструменты для дома и книги для детей. Остальное я решу сама.

— Ты не справишься одна.

— Возможно.

Он явно не ожидал такого ответа.

Я тоже не была уверена, что справлюсь. Дом Семи Порогов пугал меня. Дети пугали не своей силой, а тем, насколько легко взрослые решили оставить их в месте, куда сами не хотели входить. Будущее пугало ещё больше: без имени, без защиты, без права вернуться.

Но признать страх — не значит отступить.

— Но если я не справлюсь, — продолжила я, — это будет моя ошибка. Не твой приказ.

Он долго смотрел на меня. Так долго, что слуги успели

исчезнуть за поворотом, а в коридоре снова остались только мы и серый свет позднего дня.

— Почему ты согласилась? — спросил он наконец.

Вопрос был почти тихим.

Я могла ответить гордо. Могла сказать, что мне не страшно. Могла ударить его словами так, чтобы ему стало больнее. Но усталость вдруг навалилась на плечи, и я сказала правду:

— Потому что они дети.

Дамеран сжал сломанный браслет в руке. Я увидела, как острый край серебра впился ему в ладонь, но он даже не поморщился.

— Эвира...

— Не надо. Сегодня уже было достаточно слов.

Я развернулась и пошла к выходу, пока снова не начала ждать, что он остановит меня иначе. Не приказом. Не предупреждением. Не поздней заботой, которая ничего не меняла.

Он не остановил.

На дворе меня встретил ветер.

Главный замок рода Роудов стоял на чёрной скале, и с высоты было видно, как далеко внизу темнеет дорога. По ней я приехала сюда когда-то молодой женой, в серебряном плаще, с брачным браслетом на руке и глупой уверенностью, что если очень стараться, то даже драконий дом можно сделать тёплым.

Теперь я спускалась по тем же ступеням без плаща, без вещей и без фамилии.

У ворот меня ждал экипаж. Не родовой, конечно. Обычная тёмная повозка с гербом Совета на дверце. Даже здесь они не удержались от напоминания, кому принадлежит право решать, куда мне ехать.

Кучер не смотрел на меня, когда открывал дверцу.

— Дом Семи Порогов, госпожа?

Госпожа.

Не леди Роуд.

Я села внутрь.

— Да.

Повозка тронулась почти сразу. Колёса застучали по каменной дороге, замок начал отдаляться, и я заставила себя не оборачиваться. Нельзя было. Там остались годы, которые уже не вернуть, комнаты, где я слишком часто ждала, письма, на которые не получила ответа, и мужчина, который почему-то решил поверить всем, кроме меня.

Дорога к Дому Семи Порогов заняла больше часа.

Сначала мы ехали через ухоженные земли главной ветви: ровные изгороди, сторожевые башни, поля, где ещё держался след драконьего тепла в земле. Потом дорога стала уже, деревья подступили ближе, а воздух изменился. Не испортился, нет. Просто стал тише. Словно вокруг было место, где даже ветер помнил, что ему велели не шуметь.

Кучер заметно нервничал.

Я видела это по его плечам. По тому, как он то и дело поправлял поводья, хотя лошади шли ровно. По тому, как он

не сворачивал взгляда с дороги, будто боялся увидеть среди деревьев что-то лишнее.

— Часто сюда ездите? — спросила я.

Он вздрогнул.

— Нет, госпожа.

— А кто ездит?

— Управляющий. Иногда люди с припасами. До ворот.

— До ворот?

Он сглотнул.

— Дальше дом сам принимает.

Я посмотрела в окно.

Деревья расступились неожиданно, и впереди показалась высокая кованая ограда. За ней, на пологом холме, стоял Дом Семи Порогов.

Я ожидала развалину.

Увидела усталого великана.

Дом был огромным, слишком большим для заброшенного места. Три этажа, две боковые башни, крыша с провалами тёмной черепицы, узкие окна, часть из которых была закрыта ставнями, а часть смотрела прямо на дорогу, как настороженные глаза. Камень на стенах потемнел от времени, плюш забрался почти до второго этажа, но в линиях дома ещё сохранялась прежняя гордость. Он не выглядел мёртвым.

Он выглядел обиженным.

Эта мысль пришла такой странной и точной, что я невольно прижала ладонь к груди.

Повозка остановилась у ворот.

Кучер не спешил выходить.

— Дальше пешком, госпожа, — сказал он, не глядя на меня. — Мне велено довести до ограды.

Конечно.

До ограды.

Я открыла дверцу сама. Ветер тут же ударил в лицо, запахнул сырими листьями, старым камнем и чем-то ещё — слабым, тёплым, почти домашним. Как будто где-то внутри давно не открытого дома всё ещё пытался жить очаг.

За моей спиной кучер сгрузил маленький дорожный сундук. Не мой. Пустой почти наверняка. Символический. Чтобы можно было сказать: бывшую жену не отправили с одними руками.

— Документ, госпожа, — пробормотал он и протянул мне кожаную папку. — Печати внутри.

Я взяла.

— Еду детям привозили сегодня?

Кучер побледнел.

— Я не знаю.

— Кто знает?

— Управляющий, наверное.

— Как его зовут?

Он замялся.

— Трелл.

Я запомнила.

— Передайте в главный замок, что завтра к воротам нужно доставить тёплые одеяла, ткань для окон, свечи, крупы, мёд, соль, детские книги, мыло, щётки, гвозди, молоток, петли для дверей и всё, что найдётся для починки крыши.

Кучер смотрел на меня так, будто я попросила привести мне луну на верёвке.

— Я... передам.

— И ещё, — добавила я, — пусть никто из людей Совета не входит за ограду без моего разрешения.

Он быстро кивнул.

Слишком быстро. Лишь бы уехать.

Через минуту повозка уже разворачивалась на узкой дороге, а я осталась одна перед воротами Дома Семи Порогов. В руках — папка с документами. У ног — чужой сундук. За спиной — дорога, по которой меня больше никто не ждал обратно.

Я подошла к калитке.

На кованом металле темнели семь круглых знаков. Пороги, поняла я. Каждый знак был разным: ключ, очаг, окно, лестница, книга, крыло и ладонь. Последний знак — ладонь — выглядел новее остальных, будто его добавили позже или, наоборот, слишком часто трогали.

Я подняла руку, но не сразу коснулась металла.

Внутри дома что-то стукнуло.

Один раз.

Потом второй.

Не громко. Но в этой тишине звук дошёл до ворот так отчётливо, что у меня по спине пробежал холод.

— Я не пришла ломать вас, — неожиданно для самой себя сказала я.

Глупо было говорить с домом.

Наверное.

Но после Совета, Дамерана и дороги к месту, куда боялся входить даже кучер, мне вдруг показалось важным произнести это вслух.

— И детей я тоже не пришла ломать.

Калитка открылась.

Без скрипа. Без усилия. Просто сама подалась внутрь, будто давно ждала именно этих слов.

Я замерла.

Ветер за спиной стих.

На крыльце дома мелькнула тень. Маленькая. Быстрая. Кто-то смотрел на меня из-за приоткрытой двери, но тут же спрятался.

Мелл?

Сердце болезненно сжалось.

Я подняла сундук за ручку. Он оказался почти невесомым, как и всё, что мне оставили от прежней жизни. Дорожка к дому заросла травой, и каменные плиты под ногами проступали не везде. Справа стояли сухие кусты, слева — старый фонтан без воды, в центре которого лежал каменный дракон с отбитым крылом.

У крыльца я остановилась.

Дверь была высокая, тёмная, с семью поперечными полосами железа. На каждой полосе виднелись те же знаки, что на воротах. Ключ. Очаг. Окно. Лестница. Книга. Крыло. Ладонь.

Я коснулась последнего.

Дерево под пальцами оказалось тёплым.

За дверью что-то зашептало. Не словами. Скорее движением: ткань по полу, воздух в щели, осторожные детские шаги.

— Лиссар? — позвала я негромко. — Тайра? Мелл?

Ответа не было.

Я уже хотела постучать, когда замок щёлкнул сам.

Дверь медленно открылась внутрь.

В глубине холла стоял ребёнок.

Мелл Роуд был меньше, чем я помнила. Или просто за этот год, пока мне говорили, что он в безопасности, он стал тоньше, тише, прозрачнее. Свет с улицы ложился на его бледное лицо, на спутанные тёмные волосы, на слишком большую серую рубашку, рукава которой закрывали пальцы. В руках он держал деревянного дракончика с отломанным крылом.

Того самого.

За его спиной темнел огромный холл. Лестница уходила вверх, часть ступеней была укрыта пылью, с потолка свисала потускневшая люстра, а вдоль стен стояли закрытые две-

ри. Много дверей. Слишком много для обычного дома.

Мелл смотрел на меня серьёзно, почти без детского любопытства.

Я опустилась перед ним на одно колено, чтобы не нависать сверху.

— Здравствуй, Мелл.

Он крепче прижал дракончика к груди.

— Вы меня помните?

От этих слов у меня перехватило дыхание.

Не “вы пришли”. Не “зачем вы здесь”. А именно это — помню ли я его. Будто за время, проведённое в этом доме, он привык, что взрослые забывают детей быстрее, чем закрывают двери.

— Помню, — сказала я. — Ты однажды спрятал у меня в корзине три яблока, потому что Тайра сказала, что красные вкуснее жёлтых, а тебе достались только жёлтые.

Мелл моргнул.

Потом его губы дрогнули. Не улыбка ещё. Только крошечное движение, от которого в этом тёмном холле стало чуть легче дышать.

— Тайра сказала, что это была военная добыча.

— Она всегда умела давать серьёзные названия обычным яблокам.

Где-то наверху тихо скрипнула доска.

Мелл сразу напрягся и обернулся.

— Они смотрят? — спросила я.

Он кивнул.

— Лиссар сказал не подходить близко. Тайра сказала, что вы красивая, когда злитесь. Она видела из окна.

Я невольно закрыла глаза на секунду.

Значит, они ждали. Видели повозку. Видели, как я стояла у ворот. Может быть, спорили, кто подойдёт. Может быть, боялись, что я тоже оставлю сундук на крыльце и уеду обратно.

— А ты что сказал? — спросила я.

Мелл посмотрел на меня внимательнее.

— Я сказал, что вы пахнете главным замком и дождём.

Я не знала, что ответить на это. В главном замке больше не было ничего моего. А дождя сегодня не было вовсе.

Дом вокруг нас тихо вздохнул.

Я почувствовала это кожей. Не услышала, а именно почувствовала: стены чуть отпустили напряжение, воздух в холле сдвинулся, и где-то глубоко внутри старого дома будто проснулась искра, очень слабая, но упрямая.

Мелл сделал маленький шаг назад, оставляя мне место на пороге.

И только тут я поняла, что всё ещё стою снаружи.

Дом открыл дверь, но не втянул меня силой. Он ждал, войду ли я сама.

Как и ребёнок.

Как, возможно, все трое детей.

Я поднялась, взяла сундук и переступила порог.

В ту же секунду за моей спиной дверь закрылась. Не хлопнула, не ударила, просто встала на место с таким звуком, будто наконец решила: да, так правильно.

Мелл смотрел на меня снизу вверх.

В его серых глазах было слишком много осторожности для шести лет. И надежда там тоже была, только спрятанная глубоко, как маленький огонёк за ладонями.

Он спросил тихо:

— Вы новая, которая уйдёт? Или та, которая останется?

Глава 2. Дом, который не спит

— Вы новая, которая уйдёт? Или та, которая останется?

Вопрос был задан так тихо, что его легко можно было бы принять за детскую осторожность. Но я уже знала: дети в доме, куда взрослые боялись входить, не задают случайных вопросов. Они спрашивают только то, от чего зависит, будут ли сегодня спать у стены или позволят себе лечь ближе к двери.

Я смотрела на Мелла и чувствовала, как за спиной ещё держится тепло закрывшейся двери. Дом не выпускал сквозняк с улицы, но и не становился гостеприимным. Он словно прислушивался вместе с ребёнком, ожидая моего ответа.

Сказать “останусь” было легко. Слишком легко. Такие слова взрослые произносили часто, когда хотели, чтобы дети перестали плакать. Потом уезжали, закрывали двери, подписывали документы, ссылались на дела, Совет, безопасность рода и ещё десяток причин, каждая из которых звучала важнее детского страха.

Я опустила перед Меллом снова, не снимая пальцев с ручки чужого сундука.

— Я не знаю, какой буду, — сказала я честно. — Я сегодня потеряла дом, имя и почти всё, что считала своей жизнью. Поэтому не стану обещать тебе красивыми словами, будто ничего не боюсь. Боюсь, Мелл. Очень.

Он не отвёл взгляда. Только чуть сильнее прижал к себе

дракончика с отломанным крылом.

Где-то наверху снова скрипнула доска.

Я подняла глаза к тёмной лестнице, но никого не увидела. Перила второго этажа тонули в серой пыли и сумраке, широкая площадка уходила в обе стороны коридорами, а двери вдоль стен стояли закрытые, словно каждая держала за собой чужую тайну.

— Но я вошла сама, — продолжила я, возвращаясь взглядом к Меллу. — И если уйду, то не потому, что испугалась вас.

Он долго обдумывал это. Так долго, как обычно думают взрослые, привыкшие искать подвох в каждом слове.

— А дома? — спросил он.

Я невольно посмотрела на стены.

Холл оказался больше, чем казался с порога. Высокий потолок уходил в тень, люстра висела низко, потускневшими подвесками почти касаясь воздуха над нашими головами. Пол был выложен тёмным камнем, но по углам лежала пыль, а под дальней стеной сиротливо стояли три детских башмака: два маленьких и один почти взрослый, без пары. Рядом валялась деревянная пуговица, спутанная лента и обрывок ткани с вышитым крылом.

Не ужас.

Не мёртвое место.

Запущенное. Обидное. Слишком долго оставленное без рук, которые не боялись бы прикасаться к старым вещам.

— Дома я тоже боюсь, — сказала я. — Но, кажется, он нас слушает. Значит, придётся говорить с ним вежливо.

Мелл моргнул, а потом вдруг очень серьёзно кивнул, будто я сказала единственно правильную вещь.

— Он не любит, когда кричат.

— Тогда постараюсь не кричать.

— Лиссар кричал один раз.

Наверху что-то резко стукнуло, будто кто-то ударил ладонью по перилам.

Мелл вздрогнул и замолчал.

Я не стала спрашивать сразу. В этом доме, похоже, каждое лишнее слово могло задеть того, кто и так стоял слишком близко к боли.

Вместо этого я подняла сундук и огляделась.

— Покажешь мне, где можно поставить вещи?

Мелл посмотрел на сундук, потом на меня.

— Там ничего нет.

— Ты проверял?

— Тайра проверила глазами.

— У Тайры сильные глаза?

Он чуть заметно оживился.

— Она говорит, что да. Она может смотреть так, что управляющий Трелл забывает, зачем пришёл.

— Хороший дар, — сказала я.

Сверху послышался смешок. Быстрый, звенящий, сразу оборвавшийся.

Я сделала вид, что не заметила, хотя в груди у меня от этого маленького звука стало теплее. Тайра. Значит, она действительно смотрела. Значит, не спряталась совсем.

Мелл шагнул в сторону и показал рукой на пространство под лестницей.

— Вещи ставят туда. Всё ставят туда, если не знают, куда.

Я подошла ближе и увидела под лестницей целый маленький склад чужой ненужности: несколько закрытых ящиков, скрученный ковёр, детский стул с треснувшей спинкой, рамку без портрета, связку погнутых каминных щипцов и куклу без одной руки. Всё было задвинуто так, будто кто-то годами освобождал комнаты не для жизни, а для пустоты.

Я поставила сундук рядом, но не отпустила ручку сразу.

— А где ваши вещи?

Мелл посмотрел в угол.

— Везде.

— Как это?

Он пожал плечом.

— Если оставить в комнате, дверь может закрыться. Если оставить в шкафу, шкаф может не открыться. Если оставить около себя, Лиссар говорит, что так безопаснее.

Я медленно выдохнула.

В главном замке у каждого ребёнка рода была своя комната, свой сундук, свои полки, свой знак на двери. Даже у тех, кого не любили, порядок сохранялся, потому что порядок был лицом рода. Здесь же дети жили так, словно не имели

права занимать место. Не обустройствались. Не укоренялись. Только переносили вещи из угла в угол, чтобы в любой момент быть готовыми к новой закрытой двери.

— Сегодня мы ничего не будем решать сразу, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Но нужно понять, где вы спите, где едите и где теплее всего.

— Теплее всего нигде, — ответил Мелл.

— Очаг есть?

Он кивнул и показал на широкие двойные двери в левой части холла.

— В старом зале. Только он не горит.

Я почти спросила почему, но вовремя остановилась. В этом доме “почему” наверняка имело слишком много острых краёв.

— Тогда начнём со старого зала.

— Нельзя.

Голос прозвучал сверху.

Я подняла голову.

На лестничной площадке стоял Лиссар.

Я помнила его ниже, тоньше, ещё почти ребёнком, который упрямо сжимал губы, когда взрослые требовали от него показать огонь. Теперь передо мной был мальчик двенадцати лет, вытянувшийся, худой, с прямой спиной и лицом, на котором детство будто задержалось только потому, что не успело уйти по правилам. Тёмные волосы падали на лоб, глаза смотрели тяжело, недоверчиво, почти зло.

Он стоял босиком, в старой тёмной рубашке, застёгнутой не на все пуговицы, и держал в руке кочергу.

Не поднятую для удара. Но так, чтобы я увидела.

Мелл сразу сделал полшага ко мне и тут же, словно испугавшись собственного движения, отступил обратно.

— Лиссар, — сказала я.

— Вам нельзя в старый зал.

Голос у него был низковатый для возраста, жёсткий, с хрипотцой. Так говорят дети, которые слишком рано поняли: если звучать мягко, взрослые решат, что тебя можно не слушать.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— Ты хозяин дома?

Он усмехнулся.

— Здесь нет хозяев. Здесь есть те, кто дольше продержался.

Слова ударили неприятно точно.

Я не стала спорить через весь холл. Поднялась на несколько ступеней, но остановилась ниже площадки, оставляя между нами расстояние. Лиссар напрягся, пальцы на кочерге побелели.

— Я не пришла отнимать у вас место, — сказала я. — И не пришла проверять, кто из вас насколько опасен. Мне нужно понять, как вы живёте.

— Зачем?

— Чтобы вы не жили так дальше.

Он тихо рассмеялся.

Смех оказался совсем не похож на детский. Короткий, сухой, без радости.

— Вы приехали час назад. Уже решили нас спасти?

— Нет. Я решила осмотреть дом.

— Дом не любит, когда его осматривают.

— А что он любит?

Лиссар на мгновение замолчал. Вопрос, кажется, сбил его. Он ожидал возражений, приказов, может быть, жалости. Но не обычного интереса.

Сверху, из тёмного коридора за его спиной, высунулась девочка.

Тайра.

Она была в платье, когда-то, наверное, красивом, но теперь слишком коротком в рукавах и с неровно пришитым подолом. Рыжеватые волосы были заплетены в две косы, одна аккуратная, вторая почти распустилась. На лице — озорная улыбка, в глазах — внимательное ожидание беды.

— Дом любит, когда ему не мешают разваливаться, — сказала она. — Мы пробовали.

— Неправда, — тихо возразил Мелл снизу. — Он не разваливается. Он злится.

— Спасибо за уточнение, малый хранитель стен, — протянула Тайра и сбежала по лестнице к Лиссару. — А вы правда теперь вместо нас?

— Вместо вас? — переспросила я.

— Ну да. Сначала сюда прислали Лиссара, потому что он испортил праздник. Потом меня, потому что я испортила зеркальную галерею. Потом Мелла, потому что он испортил тишину. Теперь вас, потому что вы испортили брак.

— Тайра, — резко сказал Лиссар.

— Что? Я коротко рассказываю, чтобы леди не скучала.

— Я больше не леди, — сказала я.

Тайра склонила голову набок.

— Совсем?

— Совсем.

— Тогда как вас теперь сердить? Госпожа звучит скучно, Эвира — слишком красиво, а “бывшая жена нашего отца” долго.

Лиссар бросил на неё мрачный взгляд.

— Не называй его так.

Тайра тут же улыбнулась шире.

— Как? Отцом? Или нашим?

По холлу прошла странная тишина. Мелл опустил голову. Лиссар отвернулся к тёмному окну, и я увидела, как резко напряглись его плечи.

Слишком рано.

Слишком больно.

Я ещё почти ничего не знала, но уже поняла: имя Даме-рана в этом доме было не просто именем. Оно было закрытой дверью, к которой каждый из детей подходил по-своему.

Лиссар — с кочергой. Тайра — со смехом. Мелл — с деревянным дракончиком.

— Называйте меня Эвирой, — сказала я. — Если вам так удобно.

Тайра сощурилась.

— А если неудобно?

— Тогда придумаем другое, но без “бывшей жены”. Слишком длинно для завтрака.

Мелл тихо фыркнул.

Тайра посмотрела на него так, будто поймала его на преступлении, а потом снова перевела взгляд на меня. Её улыбка стала осторожнее.

— Завтрака у нас нет.

— Ужина тоже, — добавил Лиссар.

Я посмотрела на него.

— Сегодня вы ели?

Он пожал плечом.

— Нам оставили корзину у ворот.

— Что в ней было?

— Хлеб, сыр, яблоки, кувшин воды.

— На троих?

— На дом, наверное, тоже, — сказала Тайра. — Вдруг он проголодается и перестанет стучать по ночам.

Я сжала пальцы на перилах.

Злость поднялась быстро, горячо, но я не дала ей вырваться наружу. Кричать было бы проще всего. На Совет, на

управляющего Трелла, на Дамерана, на весь этот порядок, в котором дети древнего драконьего рода жили хуже забытых вещей. Но Лиссар уже ждал моего срыва. Тайра тоже. Они привыкли, что взрослые сначала ужасаются, потом сердятся, потом уходят решать всё где-то далеко.

Мне нужно было остаться здесь.

— Где корзина? — спросила я.

— На кухне, — ответил Мелл.

— Покажешь?

Он посмотрел на Лиссара.

Старший мальчик заметил это и мгновенно помрачнел.

— Не смотри на меня так, будто я держу тебя на цепи.

Мелл покраснел и спрятал дракончика под мышку.

— Я не так.

— Так.

— Лиссар, — сказала я спокойно. — Он просто привык спрашивать, можно ли ему идти.

— Вот именно, — отрезал он. — Привык. Потому что если он идёт куда попало, потом стены начинают говорить.

При этих словах дом чуть слышно скрипнул.

Не от ветра. Я уже начинала различать. Ветер гулял по щелям иначе, тоньше. А этот звук пришёл изнутри, из дерева и камня, словно дом обиделся, что его упомянули таким тоном.

Тайра обхватила себя руками.

— Видите? Он всё слышит.

— Тогда пусть услышит и это, — сказала я, поворачиваясь к холлу. — Я хочу найти кухню, накормить детей и посмотреть, можно ли разжечь очаг. Если дому что-то не нравится, пусть даст знак до того, как мы ударимся лбом о закрытую дверь.

Лиссар уставился на меня.

Тайра раскрыла рот, потом закрыла.

Мелл вдруг прошептал:

— Он не привык, что его спрашивают.

— Я тоже, — сказала я. — Будем учиться вместе.

Это было, наверное, слишком смело для женщины, которая сама едва держалась на ногах после Совета. Но дом не возразил. Наоборот, слева тихо щёлкнул замок, и одна из дверей, меньшая, почти незаметная между двумя высокими панелями, приоткрылась на палец.

Мелл втянул воздух.

— Кухня.

Лиссар быстро спустился на несколько ступеней.

— Не трогайте.

— Почему?

— Потому что вчера она была в другом конце коридора.

Я посмотрела на приоткрытую дверь.

Потом на детей.

— Часто комнаты меняются местами?

Тайра подняла палец.

— Только когда им скучно.

— Или когда кто-то врёт, — сказал Мелл.

Лиссар бросил на него тяжёлый взгляд.

Мелл сразу сжался.

Я сделала вид, что не заметила этой маленькой сцены, но запомнила. В этом доме боялись не только взрослых. Здесь боялись слов, потому что слова могли что-то открыть.

— Хорошо, — сказала я. — Идём вместе. Никто не отделается. Если дверь решит закрыться, мы оставим её открытой чем-нибудь тяжёлым.

— Чем? — спросила Тайра.

Я огляделась и подняла с пола одну из погнутых каминных щипцов.

— Начнём с этого. Вещь уже пережила многое, переживёт и дверь.

На этот раз Тайра рассмеялась по-настоящему. Недолго, но без той колкости, которой прикрывалась раньше.

Лиссар не улыбнулся. Он спустился вниз, держа кочергу при себе, и пошёл первым. Не потому, что доверял. Потому что не хотел оставлять меня впереди. Мелл двинулся рядом со мной, но на расстоянии вытянутой руки, будто ещё не решил, можно ли подойти ближе. Тайра шла последней и шептала что-то себе под нос, нарочно наступая только на светлые камни пола.

За дверью обнаружился узкий проход.

Он пах пылью, старой золой и холодным железом. Стены здесь были ниже, потолок давил сильнее, но через несколь-

ко шагов коридор вывел нас в кухню — большую, когда-то удобную, с длинным столом у окна, каменной раковиной, пустыми полками и широким очагом в стене. Очаг был зава-лен серой золой. Не свежей. Старой, плотной, будто его не чистили много месяцев.

На столе стояла корзина.

В ней действительно лежали остатки хлеба, небольшой кусок сыра, три яблока и кувшин, накрытый треснувшей тарелкой. Рядом — нож с тупым лезвием и две деревянные миски. Две, не три.

Я подошла к столу и молча подняла одну миску.

— Третья где?

Мелл посмотрел в пол.

Тайра слишком быстро сказала:

— Разбилась.

— Когда?

— Недавно.

— Тайра, — произнёс Лиссар.

Девочка поджала губы.

Я осторожно поставила миску обратно.

— Никто сейчас не будет ругать за разбитую посуду.

— Конечно, — сказала Тайра. — За посуду не ругают. За посуду говорят, что руки растут не оттуда, потом забирают ужин, чтобы руки подумали над поведением.

Меня будто окатили холодной водой.

Не от слов даже. От того, как буднично она это произнес-

ла. Будто речь шла о погоде, а не о наказании ребёнка.

Лиссар резко повернулся к окну.

Мелл прижал дракончика к груди так сильно, что дерево скрипнуло.

Я медленно обошла стол, открыла ближайший шкаф и нашла внутри несколько тарелок, покрытых пылью. Одна была треснувшая, другая с отколотым краем, но ещё двегодились. Я достала их, смахнула пыль сухой тканью, которую нашла на крючке у стены, и поставила на стол.

— В этом доме будет по миске каждому, — сказала я. — Даже если придётся есть из крышек, чашек или перевёрнутых подсвечников. Еду не забирают за разбитую посуду.

Тайра смотрела на меня подозрительно.

— Вы так говорите, потому что сегодня первый день.

— Возможно, — согласилась я. — Поэтому завтра проверишь, не передумала ли я.

Она прищурилась.

— Проверю.

— Договорились.

Я разделила хлеб, сыр и яблоки настолько ровно, насколько могла. Себе ничего не взяла, хотя голод уже напоминал о себе тяжёлой пустотой под рёбрами. Лиссар заметил это сразу. Он сел не за стол, а на край лавки, словно готов был вскочить в любой момент.

— Вы не едите.

— Я позже.

— Неправда.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Взрослые говорят “позже”, когда хотят, чтобы дети перестали спрашивать.

Я могла бы улыбнуться, но не стала. Он заслуживал не мягкой насмешки, а честного ответа.

— Я правда хочу, чтобы вы сначала поели. Но ты прав, это нечестно.

Я взяла маленький кусок хлеба, отломил от него половину и положила себе на край тарелки.

— Теперь ем.

Лиссар долго смотрел на этот кусок. Потом медленно отодвинул свою тарелку к середине стола.

— Мне не нужна ваша жалость.

— Это не жалость. Это ужин.

— Вы не обязаны нас кормить.

— Уже обязана. Подписала документ.

Он вскинул глаза.

— Совет подписывает много документов. От них теплее не становится.

— Поэтому после ужина займёмся очагом.

— Он не загорится.

— Посмотрим.

— Я сказал, не загорится.

В его голосе прозвучало что-то такое, что заставило Тай-

ру замереть с яблоком в руке, а Мелла — втянуть голову в плечи. Я поняла, что подошла близко к опасному месту, сама не зная к какому.

— Лиссар, — сказала я тише. — Я не прошу тебя ничего зажигать.

Он побледнел.

Совсем немного, но на его худом лице это стало заметно сразу.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

— И не смогу.

Слова вырвались у него резко, как если бы он сам не хотел их произносить. В кухне стало так тихо, что я услышала, как за стеной где-то глубоко капнула вода.

Тайра уставилась в тарелку.

Мелл почти не дышал.

Я опустила ладони на стол, чтобы не потянуться к Лиссару. Такие дети не любят, когда их жалеют руками. Особенно при свидетелях.

— Тогда будем разбираться с очагом без огня, — сказала я. — Для начала его нужно просто очистить.

Лиссар посмотрел на меня, будто я заговорила на незнакомом языке.

— Зачем?

— Потому что он забит золой.

— И что?

— А то, что даже если бы он мог загореться, ему негде дышать.

Эти слова почему-то задели не только его.

Тайра медленно подняла голову. Мелл посмотрел на очаг. Дом вокруг нас почти неслышно шевельнулся, и на пустой полке дрогнула пыль.

Я не сразу поняла, что сказала что-то важное. Просто вспомнила старую кухню в доме моего отца, где очаг всегда чистили перед праздниками. Не потому, что зола была страшной. Потому что всякому теплу нужно место.

— У нас нет метлы, — сказал Мелл.

— Есть руки, тряпки и погнутые щипцы.

— Это будет грязно, — предупредила Тайра.

— Я сегодня развелась при Совете, получила проклятый дом, троих детей и пустой сундук, — ответила я. — Зола меня уже не испугает.

Тайра снова приснула, но на этот раз не стала прятать смех.

После ужина мы занялись очагом.

Вернее, сначала я занялась, а дети делали вид, что не помогают. Лиссар стоял рядом с кочергой и мрачно сообщал, какие камни лучше не трогать. Тайра нашла старую щётку без половины щетины и объявила, что назначает себя главной по борьбе с пылью, потому что пыль хотя бы не спорит. Мелл принёс из коридора треснувшее ведро и очень серьёзно сказал, что дом разрешил его взять.

— Как ты понял? — спросила я.

Он прислушался.

— Оно не пряталось.

Я не стала смеяться.

В этом доме, где комнаты могли менять места, а двери открывались на сказанное вслух намерение, треснувшее ведро, которое “не пряталось”, звучало почти разумно.

Зола оказалась плотной, холодной и тяжёлой. Я выгребала её щипцами и руками, обёрнутыми старой тканью, складывала в ведро, потом Тайра уносила его к задней двери. Лиссар каждый раз провожал её взглядом, пока она не возвращалась.

— Она не потеряется, — сказала я после третьего такого взгляда.

— Здесь все теряются, — ответил он.

— Ты терялся?

Лиссар не ответил.

За него ответил Мелл, очень тихо:

— Он искал меня.

Лиссар резко повернул голову.

— Мелл.

Младший сжался, но не замолчал совсем.

— Я тогда залез в комнату с синими шторами. Она была хорошая. А потом дверь стала стеной. Лиссар бил по ней руками, пока костяшки не стали красные.

Тайра, вернувшаяся с пустым ведром, сказала нарочито

легко:

— Зато потом эта комната целую неделю пахла обидой и не открывалась даже Треллу.

Я посмотрела на Лиссара. Он стоял у окна, крепко сжимая кочергу, и весь его вид говорил: ещё одно слово — и он уйдёт.

Я не стала благодарить его за то, что искал брата. Не стала говорить, что он молодец. Такие слова иногда звучат как попытка присвоить чужую боль и сделать из неё красивый поступок.

— Значит, правило первое, — сказала я, продолжая выгребать золу. — Никто не ходит один в комнаты, которых сегодня не было вчера.

Тайра подняла руку.

— А если комната сама пришла?

— Тогда зовём остальных.

— А если остальные заняты тем, что делают вид, будто не волнуются?

Лиссар бросил на неё злой взгляд.

— Тогда зовём громче, — сказала я.

Мелл кивнул так серьёзно, будто правило уже записали на стене.

К тому времени, когда очаг наконец освободился от золы, за кухонным окном совсем стемнело. Дом не стал теплее, но воздух в кухне изменился. В нём появилась неуютная пустота, как после долгой уборки в комнате, где ещё нет мебели,

зато уже можно представить, куда поставить стол.

Я выпрямилась, чувствуя, как ломит спину и тянет плечи. Платье безнадёжно испачкалось, волосы выбились из шпилек, на щеке, кажется, осталась полоска золы.

Тайра смотрела на меня с явным удовольствием.

— Теперь вы похожи не на леди.

— Отлично. Значит, развод прошёл успешно.

Мелл тихонько засмеялся.

Даже у Лиссара дрогнул уголок рта, но он тут же отвернулся.

Я взяла несколько сухих щепок из ящика у стены. Их было мало, но для первого раза хватило бы, если бы дом позволил. Свечи у нас не было. Огнива тоже. По крайней мере, я его пока не нашла.

— Не надо, — сказал Лиссар.

Я остановилась.

— Я не прошу тебя.

— Всё равно не надо.

— Почему?

Он молчал.

Тайра перестала улыбаться.

Мелл сделал шаг назад от очага.

Теперь я почувствовала сама. Не страх детей, а напряжение дома. Стены будто сдвинулись ближе, потолок стал ниже, где-то за кухней протянулся долгий деревянный стон.

Огонь был здесь не просто огнём.

Дамеран говорил: Лиссар опасен, когда теряет контроль. Совет говорил об искажении силы. Слуги в замке шептались о проклятых наследниках. Но сейчас передо мной стояли не угроза и не проклятие. Передо мной были трое детей, которые боялись пустого очага сильнее, чем голода и темноты.

Я медленно положила щепки обратно.

— Хорошо. Сегодня не будем.

Лиссар вскинул взгляд, не веря.

— Почему?

— Потому что ты попросил.

— Я не просил. Я сказал.

— Значит, сказал достаточно убедительно.

Он смотрел на меня почти сердито, но за этой сердитостью мелькнуло что-то другое. Растерянность. Он готовился к спору, к приказу, к тому, что взрослый человек решит лучше него. А я отступила.

Не потому, что он победил.

Потому что доверие иногда начинается не с большого продвига, а с неразожжённого очага.

— Тогда где мы будем спать? — спросила Тайра.

— Там, где безопаснее.

— Это нигде, — снова сказала она, но уже без прежней насмешки.

— Значит, выберем место, которое сделаем безопаснее.

Я взяла со стола пустую корзину, сложила в неё оставшуюся ткань, щётку, нож, одну тарелку с отколотым краем и

оглядела кухню. Если нельзя было разжечь очаг, нужно было хотя бы найти комнату без сквозняка. А ещё понять, где дети спали до моего приезда.

— Покажите мне ваши комнаты.

Трое переглянулись.

Это было так быстро и так одинаково, что у меня внутри всё сжалось. У них были комнаты. И эти комнаты явно не были местом, куда хочется вести взрослого.

— Завтра, — сказал Лиссар.

— Почему завтра?

— Потому что сейчас темно.

— В доме темно везде.

— Не везде одинаково.

Мелл вдруг подошёл ко мне ближе и тронул край моей испачканной юбки двумя пальцами.

— Можно в комнату с ковром. Она сегодня добрая.

— Сегодня? — уточнила я.

— Утром она была сердитая, потому что Тайра сказала, что у неё некрасивые стены.

Тайра фыркнула.

— Они правда некрасивые. Там птицы вышиты как старые курицы.

— Зато ковёр толстый, — сказал Мелл.

— И мыши под ним не шуршат, — добавила она после паузы. — Почти.

— Ведите, — решила я.

Лиссар не двинулся.

— Если дверь закроется, я её не открою.

— Хорошо.

— Вы не поняли. Я не смогу.

— Я поняла, Лиссар.

— Нет, не поняли.

Он вдруг шагнул ближе, и в его глазах поднялась такая злая, горячая беспомощность, что я увидела не мальчика с кочергой, а ребёнка, которому слишком много раз сказали: ты старший, значит, отвечай, даже если тебе самому страшно.

— Здесь всё ломается, когда мы пытаемся сделать нормально. Двери закрываются. Окна показывают не то. Стены говорят с Меллом, зеркала трескаются от Тайры, а рядом со мной гаснет всё, что должно гореть. Вы почистили очаг и решили, что дом стал вашим? Он не стал. Он просто ждёт, когда вы ошибётесь.

Последние слова прозвучали почти как предупреждение.

И почти как просьба.

Не ошибитесь.

Я подошла к нему настолько близко, насколько он позволил, и остановилась, когда он напрягся.

— Тогда сегодня мы не будем делать “нормально”, — сказала я. — Сделаем хоть как-нибудь, чтобы пережить ночь. А завтра попробуем лучше.

Лиссар смотрел на меня тяжело.

— Вы правда думаете, что будет завтра?

— Да.

— Здесь не все так думают.

Мелл опустил голову.

Тайра перестала качаться с пятки на носок.

Я поняла: в этом доме дети боялись не только темноты и закрытых дверей. Они боялись будущего, потому что взрослые давно не произносили его рядом с ними всерьёз.

— Тогда я буду думать за нас четверых, пока у вас не получится снова, — сказала я.

На этот раз никто не рассмеялся.

Комнату с ковром мы нашли на первом этаже, хотя, по словам Мелла, утром она была на втором. Дверь открылась после того, как он приложил к ней ладонь и прошептал что-то слишком тихо, чтобы я разобрала. Внутри оказалось неудобно, но терпимо: старые кресла под чехлами, большой ковёр с выцветшими птицами, несколько низких шкафов и высокое окно, закрытое плотной ставней. Сквозняка почти не было.

Я велела оставить дверь открытой, а погнутые щипцы положила у порога так, чтобы створка не захлопнулась. Лиссар молча проверил, выдержит ли. Потом придвинул к двери тяжёлый табурет. Не глядя на меня.

— Хорошая мысль, — сказала я.

— Я не для вас.

— Я поняла.

Он нахмурился, будто и это ему не понравилось.

Мы устроились на ковре. Сначала я думала, что дети лягут отдельно, каждый в своём углу, но Мелл быстро свернулся ближе к стене, Тайра легла неподалёку от него, демонстративно повернувшись спиной ко всем, а Лиссар сел у двери с кочергой на коленях.

— Ты не будешь спать? — спросила я.

— Буду.

— Сидя?

— Так удобнее.

Тайра пробормотала в ковёр:

— Он врёт. Он караулит.

— Я слышу.

— Вот и отлично. Значит, не заснул.

Мелл смотрел на меня из полумрака. Деревянный дракончик лежал у него под щекой.

— А вы где будете? — спросил он.

Я села у стены между окном и дверью. Так, чтобы видеть всех троих.

— Здесь.

— Вы не уйдёте ночью?

— Нет.

— Даже если дом начнёт говорить?

Лиссар резко повернул голову.

— Мелл.

Но младший не отвёл взгляда от меня.

Я поняла, что он очень хочет спросить. И очень боится услышать ответ.

— Даже если начнёт, — сказала я.

— Он иногда говорит не своими голосами.

По комнате прошёл холодок.

Тайра натянула на плечи старую ткань, которую мы принесли с кухни.

— Мелл, хватит.

— А если сегодня будет её голос?

Я не сразу поняла.

— Чей?

Мелл спрятал лицо в сгиб локтя.

Лиссар ответил вместо него:

— Неважно.

Конечно, важно. В этом доме всё неважное уже давно сложили по углам, и оно всё равно продолжало дышать в темноте.

Но сейчас дети были слишком усталыми. Да и я тоже. Поэтому я не стала вытаскивать из них правду, как занозу на свет.

— Тогда если дом заговорит голосом, которому нельзя верить, мы будем молчать, — сказала я. — А утром решим, что с этим делать.

— Утром, — повторил Мелл.

Слово прозвучало у него почти удивлённо.

Через некоторое время Тайра уснула. Не сразу: сначала

долго шевелилась, вздыхала, поправляла ткань, потом вдруг затихла резко, как дети, которые сопротивляются сну до последнего. Мелл уснул позже, всё ещё сжимая дракончика. Лиссар сидел у двери так долго, что я сама начала проваливаться в тяжёлую дрему, но каждый раз открывала глаза и видела его силуэт на том же месте.

— Лиссар, — тихо позвала я.

Он не ответил.

— Я не собираюсь забирать у тебя право защищать их. Но тебе тоже нужно спать.

— Я не устал.

— Устал.

— Вы меня не знаете.

— Уже немного знаю.

Он повернул голову, и в темноте блеснули глаза.

— Нет. Вы знаете мальчика, которому хотели передать одеяла в главном замке. Его больше нет.

Эти слова были сказаны без жалости к себе. От этого стало больнее.

— Тогда познакомлюсь заново, — ответила я.

Лиссар молчал так долго, что я решила: разговора больше не будет. Но потом он всё же произнёс:

— Не обещайте Меллу то, что не сможете выполнить.

— Я стараюсь.

— Старания никого не держат, когда двери закрываются.

— А что держит?

Он посмотрел на приоткрытую дверь, подпёртую щипцами и табуретом.

— Иногда тяжёлые вещи.

Я почти улыбнулась, но удержалась.

— Значит, завтра найдём ещё несколько.

Он отвернулся, но кочергу положил рядом, а не на колени. Через несколько минут его голова склонилась к стене. Он не лёг, но хотя бы закрыл глаза.

Я осталась сидеть.

За окном была ночь. Не чёрная, а густая, серо-синяя, с редким шорохом ветвей по ставне. Дом Семи Порогов не спал. Теперь я была в этом уверена. Он дышал вокруг нас: едва заметно скрипел балками, перебирал где-то наверху старые доски, тихо вздыхал в закрытых комнатах. Иногда мне казалось, что по коридору кто-то проходит, останавливается у нашей двери и слушает.

Я говорила себе, что это старый дом.

Просто старый дом.

Но когда в глубине коридора раздался тихий детский плач, я открыла глаза окончательно.

Мелл спал. Тайра тоже. Лиссар сидел у стены, голова опущена, дыхание ровное.

Плач повторился.

Он был слабым, приглушённым, словно шёл издалека. Не из этой комнаты. Не снаружи. Откуда-то изнутри дома.

Я осторожно поднялась.

Пол под ногами оказался холодным. Я взяла щипцы у двери, потом остановилась и посмотрела на детей. Разбудить? Лиссар будет зол. Тайра испугается и сделает вид, что ей смешно. Мелл, возможно, услышит больше, чем нужно.

Плач прозвучал снова.

И теперь я различила в нём не только боль, но и слово.

— Э-ви-ра...

Я застыла.

Голос был детский.

Но не Мелла. Не Тайры. Не Лиссара.

Дом звал меня.

Нет, не так. Дом показывал, что где-то в нём было что-то, связанное со мной, хотя я вошла сюда всего несколько часов назад.

Я оглянулась на детей ещё раз, потом тихо вышла в коридор. Дверь оставила открытой, табурет не тронула. Если дом решит закрыть её, пусть сначала попробует справиться с тяжёлой вещью и моим упрямством.

Коридор был темнее, чем вечером. Стены словно вытянулись, став длиннее, а двери вдоль них стояли не там, где я их запомнила. Слева должна была быть кухня, но теперь там висел глухой старый гобелен с вышитым крылом. Справа, где раньше была пустая стена, появился узкий проход, подсвеченный слабым серым светом.

Плач донёсся оттуда.

Я пошла медленно, касаясь пальцами стены. Под ладонью

камень был не холодным, а тревожно-тёплым, будто дом долго держал в себе жар и теперь не знал, куда его деть.

— Я слышу, — прошептала я.

Шёпот в стенах усилился.

Не слова. Пока не слова. Скорее множество голосов за закрытой дверью, которые говорят одновременно и не могут договориться, кому быть первым.

Проход вывел меня в старый зал.

Я поняла это не сразу, только когда увидела огромный очаг у дальней стены. Тот самый, о котором говорил Мелл. Он был куда больше кухонного, почти в человеческий рост, выложенный тёмным камнем с резными крыльями по бокам. Над ним висел потускневший герб Роудов, но часть герба была закрыта копотью или тенью. Вдоль стен стояли накрытые мебельные силуэты. На полу лежал толстый слой пыли, нетронутый там, где я ещё не ступала.

Кроме одного места.

Перед очагом пыль была выжжена кругом.

Я остановилась на пороге зала.

Сердце билось слишком громко. Внутри круга темнел знак. Не металлический ключ, не вещь, которую можно поднять, спрятать или отдать Совету. Знак был выжжен прямо на каменном полу: длинный стержень, семь небольших выступов, а на конце — ладонь.

Ключ.

Первый знак из семи.

Я сделала шаг ближе, и шёпот в стенах стал отчётливее. Теперь в нём было моё имя. Не громко. Не человеческим голосом. Так мог бы говорить старый дом, если бы много лет молчал, а потом вдруг вспомнил, как это делается.

Э-вира.

Я опустилась на колени перед знаком.

— Что ты хочешь мне показать?

Ответа не было.

Только круг на полу едва заметно потеплел.

Я протянула руку и остановила ладонь над выжженным ключом. Вспомнила предупреждение Дамерана: в Доме Семи Порогов есть правила. Вспомнила Лиссара: дом ждёт, когда вы ошибётесь. Вспомнила Мелла: он не привык, что его спрашивают.

— Я не знаю твоих правил, — сказала я тихо. — Но если ты зовёшь меня ради детей, я слушаю.

И коснулась знака.

Тепло ударило в ладонь так резко, что я едва не отдёрнула руку. Пол под пальцами вспыхнул не огнём, а тёплым белым светом, который побежал по выжженным линиям ключа, заполнил круг и поднялся тонкими нитями к очагу. Герб над ним дрогнул. Где-то далеко хлопнула дверь. Потом ещё одна. Потом третья.

Я хотела встать, но не смогла.

Не потому, что знак держал силой. А потому, что в этот миг весь дом заговорил.

Не шорохом. Не скрипом.

Словом.

— Эвира.

Я услышала своё имя так ясно, будто кто-то произнёс его рядом с моим ухом. Голос был старый, глубокий, уставший. В нём было столько боли и облегчения, что у меня перехватило дыхание.

А потом из темноты за моей спиной раздался шёпот Лиссара:

— Что вы сделали?

Глава 3. Трое наследников без огня

— Что вы сделали?

Голос Лиссара прозвучал так тихо, что сначала я решила: мне почудилось. Но в следующую секунду тёплый свет под моей ладонью дрогнул, будто дом тоже услышал этот вопрос и не знал, стоит ли отвечать.

Я медленно обернулась.

Лиссар стоял у входа в старый зал, босой, бледный, с кочергой в руке. Не той уверенной кочергой, которой он пытался держать меня на расстоянии вечером. Теперь он сжимал её так, словно это была единственная вещь в доме, которая ещё подчинялась его воле. За его плечом темнел коридор, но где-то дальше уже слышался испуганный шёпот Тайры и быстрые, сбивчивые шаги Мелла.

— Я не знаю, — ответила я.

Это было не то, что он хотел услышать.

Лиссар сделал шаг в зал, и пыль под его ногами поднялась серым облачком. Свет от выжженного на полу ключа лёг на его лицо снизу, отчего он показался ещё старше, ещё строже. В этом странном свете он выглядел не ребёнком, а маленьким стражем дома, который слишком долго караулил чужую тайну и сам не понимал, кого охраняет — нас от дома или дом от нас.

— Вы его разбудили, — сказал он.

— Он и так не спал.

— Не спорьте со мной.

— Я не спорю. Я слышала, как он звал.

Лиссар резко качнул головой.

— Он не зовёт просто так. Никогда.

От этих слов по спине прошёл холодок, хотя под ладонью всё ещё держалось тепло. Знак ключа не гас, только свет его стал мягче, как тлеющее угольное сердце под слоем золы. Я осторожно убрала руку, ожидая боли или нового шёпота, но ничего не произошло. На коже остался тёплый отпечаток, словно я держала ладонь над очагом, которого в этом зале не разжигали много лет.

— Что происходит? — Тайра появилась за спиной Лиссара в слишком большой для неё серой накидке. Волосы у неё выбились из кос, одна щека была помята после сна, но глаза смотрели настороженно и зло. — Почему он сказал ваше имя?

Мелл выглянул из-за неё, прижимая к груди деревянного дракончика. Он смотрел не на меня, а на пол перед очагом. Его губы беззвучно двигались, будто он повторял услышанное, но не решался произнести вслух.

— Мелл, — позвала я негромко. — Ты тоже слышал?

Он кивнул, не поднимая глаз.

— Он сказал не страшно.

Лиссар обернулся к нему так быстро, что Тайра отступила в сторону.

— Ты опять слушал стены?

Мелл съёжился.

— Я не хотел. Они сами.

— Всегда сами, — глухо сказал Лиссар.

Тайра фыркнула, но в этот раз её смешок вышел совсем слабым.

— А может, стены просто вежливее взрослых. Взрослые обычно говорят, что мы сами виноваты, а стены хотя бы не притворяются, что молчат.

— Тайра, — предупредил Лиссар.

— Что? Я тоже слышала. Дом сказал “Эвира”. Не “убирайтесь”, не “опасность”, не “опять дети всё испортили”. Просто имя. Может, ему понравились гости.

— Я не гостья, — сказала я.

Все трое посмотрели на меня.

Слово вырвалось раньше, чем я успела его обдумать. И всё же, когда оно прозвучало, я поняла, что не хочу забирать его обратно. Гостья уходит, когда становится неудобно. Гостья не имеет права переставлять мебель, спорить с управляющими, вытряхивать пыль из занавесей и решать, что детям нужны комнаты, а не углы для ночёвки.

Я ещё не знала, кем была в этом доме.

Но уже точно не гостьей.

Лиссар медленно опустил взгляд на знак ключа.

— Тогда кто вы?

Вопрос был почти тем же, что задал Мелл у двери: уйдё-

те или останетесь? Только Лиссар задавал его иначе — не с надеждой, а с требованием доказательств.

— Сегодня — человек, который случайно разбудил старый зал, — сказала я. — Утром, надеюсь, буду человеком, который найдёт, чем вас нормально накормить и куда поставить ваши вещи.

Тайра моргнула.

— Утром уже скоро.

Я посмотрела в тёмные окна зала. За ними ночь посеребра. Где-то за деревьями начинало светлеть, и слабая полоска рассвета легла на грязное стекло, не пробиваясь внутрь по-настоящему.

Значит, мы почти не спали.

Тело сразу вспомнило усталость: тяжесть в плечах, ломоту в пояснице после золы, резь в глазах. Но вместе с усталостью пришло странное упрямое спокойствие. Ночь не убила нас. Дом не захлопнул нас в комнатах. Дети всё ещё стояли рядом, испуганные, недоверчивые, но живые, настоящие, не чьи-то “положения для пересмотра”.

Я поднялась с пола, отряхнула ладони о платье и почувствовала, как знак на коже ещё раз потеплел. Лиссар заметил это. Конечно, заметил. У него вообще были глаза человека, который привык выживать за счёт мелочей.

— Покажите руку, — сказал он.

— Нет.

Он нахмурился.

— Почему?

— Потому что ты приказал, а не попросил.

Тайра тихо прыснула, но тут же прикрыла рот ладонью. Мелл посмотрел на меня с таким удивлением, будто я предложила Лиссару не невозможное, а что-то неприличное.

Лиссар застыл.

Сначала я решила, что он рассердится. Он и рассердился — губы сжались, взгляд стал колючим. Но под этой колючестью мелькнуло недоумение. Он явно не привык, что с ним спорят так просто, без угрозы и без желания унижить.

— Пожалуйста, — произнёс он после паузы.

Слово вышло у него жёстким, почти ломким.

Я протянула ладонь.

На коже ничего не было. Ни ожога, ни раны, ни метки, только лёгкое тепло в середине ладони, которое я ощущала, но не могла показать. Лиссар смотрел на мою руку долго. Потом перевёл взгляд на пол.

— Значит, он вас не обжёт.

— Нет.

— Странно.

— Почему?

Он не ответил.

Мелл подошёл ближе, осторожно, будто боялся спугнуть и меня, и дом. Его маленькие пальцы зависли рядом с моей ладонью, но он не коснулся.

— Он проверял, — прошептал он.

— Кто?

— Дом.

— Что проверял?

Мелл поднял на меня глаза.

— Можно ли вас держать.

В старом зале снова стало тихо.

Не пусто. Именно тихо. Как перед тем, как кто-то скажет слишком важное, но передумает.

Лиссар резко отвернулся.

— Хватит. Нам надо вернуться. Если дверь в комнату с ковром закрылась, придётся искать вещи.

— Дверь открыта, — сказала я.

— Вы не можете знать.

— Не могу. Но я оставила табурет и щипцы.

Тайра оживилась.

— Наши великие защитники дома. Табурет и щипцы. Надо будет вышить им герб.

— Сначала найдём ткань, которую можно вышивать, — ответила я.

— А потом комнату, где ткань не спрячется.

— И сундук, куда её положить.

— И замок на сундук.

— И ключ от замка.

Мелл вдруг посмотрел на выжженный знак на полу.

— Ключ уже есть.

Мы все замолчали.

Он сказал это не как шутку. И дом тоже не воспринял это как шутку. Свет в линиях ключа дрогнул, поднялся тонкой нитью к очагу и исчез где-то под каменной полкой.

Лиссар отступил на шаг.

— Не трогай больше, — сказал он мне.

— Сегодня не буду.

— Никогда.

— Никогда — слишком длинное обещание.

— Тогда хотя бы пока я не пойму, что он сделал.

В его голосе было столько упрямой ответственности, что спорить стало трудно. Я кивнула.

— Хорошо. Пока не трону.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд, будто проверял, не спряталась ли в моих словах ловушка. Потом резко развернулся и пошёл к выходу.

— Идёмте. До приезда Трелла нужно убрать кухню.

— Он приедет сегодня?

— Если кучер передал ваши слова, приедет. Трелл любит посмотреть, как люди жалеют о своих просьбах.

Тайра подхватила с пола край накидки и пошла за ним.

— А ещё он любит считать тарелки. У него лицо становится такое торжественное, будто он нашёл предателя в супнице.

— У нас нет супницы, — тихо сказал Мелл.

— Значит, сегодня Трелл будет страдать.

Я шла последней и невольно оглянулась на старый зал.

Выжженный ключ почти погас. Но когда я уже переступала порог, мне показалось, что в глубине очага что-то шевельнулось — не пламя, нет, а слабый отсвет, похожий на дыхание за тёмным камнем.

Дом Семи Порогов не спал.

И теперь я знала: он не просто наблюдает.

Он ждёт.

До комнаты с ковром мы дошли без приключений, что само по себе казалось подарком. Дверь действительно осталась открытой. Табурет стоял на месте, щипцы тоже, только на полу рядом появился тонкий след пыли, будто кто-то подходил к порогу, остановился и ушёл обратно.

Мелл заметил след первым.

— Он смотрел, вернёмся ли мы.

— Дом? — спросила Тайра.

— Или кто-то из комнат.

— Комнаты не ходят.

— Утром кухня ходила.

— Это другое. Кухня голодная.

Лиссар молча забрал кочергу, которую оставил у стены, и сделал вид, что разговор его не касается. Но я заметила, как он проверил, спала ли Тайра на своём месте, потом посмотрел на Мелла, потом на меня. Только после этого позволил себе отвести взгляд.

Мы не ложились снова. Рассвет уже просачивался в щели ставен, делая комнату не светлой, а менее тёмной. Я открыла

одну ставню, и Тайра тут же зашипела, прикрывая глаза.

— Зачем? Было же почти уютно.

— Почти уютно — это когда видно, во что наступаешь.

— Иногда лучше не знать.

— Особенно если это мышь, — добавил Мелл.

— Мыши умные, — сказала Тайра. — Они не наступают в нас, и мы в них не будем.

Я нашла на одном из кресел старый чехол, вытряхнула его у окна и отрезала от края длинную полосу. Нож был тупым, ткань сопротивлялась, пыль летела в лицо, но всё же у меня получилось несколько широких лоскутов.

— Что вы делаете? — спросил Лиссар.

— Временные повязки для ручек дверей.

Он напрягся.

— Зачем?

— Чтобы отмечать комнаты, в которые можно входить. И те, в которые нельзя.

Тайра приподнялась на локте.

— О, у нас будет карта? Лиссар однажды пытался сделать карту, но коридор обиделся и стал короче на три двери.

— Он не обиделся, — сказал Лиссар. — Он изменился.

— Это и называется обиделся.

Я разложила полосы ткани на подлокотнике кресла.

— Тогда начнём не с карты, а с правил. Белая ткань — можно входить. Серая — только вместе. Тёмная — не трогать, пока не разберёмся.

— А если дверь сама откроется? — спросил Мелл.

— Тогда зовём всех и смотрим издалека.

Тайра вздохнула.

— Вы всё время зовём всех. У нас скоро не дом будет, а хор.

— Зато никто не потеряется один.

Она хотела ответить, но почему-то не стала. Просто опустила взгляд на свои руки и начала ковырять нитку на рукаве.

Мне очень хотелось сейчас же пройтись по дому, расставить метки, разобрать вещи, найти детям комнаты, кухонные припасы, бельё, воду, что-нибудь пригодное для нормальной жизни. Но я уже понимала: в этом доме нельзя брать слишком быстро. Он, как и дети, от любого напора закрывался.

Поэтому мы начали с малого.

Сначала вернулись на кухню. Там всё оказалось на месте, только у пустого очага появилась тонкая чистая полоска на камне, которой вчера точно не было. Будто дом сам смахнул немного золы после того, как мы ушли.

— Видите? — Мелл осторожно коснулся края очага. — Ему легче.

Лиссар напрягся.

— Не подходи близко.

Мелл послушно отступил, и мне не понравилось, как быстро он это сделал. Без обиды. Без спора. Как будто его тело привыкло слушаться раньше, чем мысль успевала захо-

теть другого.

Я поставила корзину на стол.

— Сегодня нам нужно найти воду, чистые тарелки, ещё одну комнату для сна и место для вещей каждого из вас.

Тайра округлила глаза.

— Каждого?

— Да.

— Даже если у Мелла вещей больше, чем у меня? У него дракончик, два камня, верёвка с узлами, пуговица, которую он считает глазом дома, и кусок дерева, который он почему-то называет Вельсом.

— Вельс не кусок дерева, — обиделся Мелл. — Он корабль.

— У него нет паруса.

— Он думает.

— Прекрасно, — сказала я. — Значит, Вельсу тоже найдём место.

Мелл посмотрел на меня так серьёзно, что я едва не смутилась.

— Ему можно у окна?

— Если окно не возражает.

Он подошёл к кухонному окну и приложил ладонь к раме. Рама тихо скрипнула. Не страшно. Почти лениво.

— Не возражает.

— Значит, решено.

Лиссар стоял у двери, как страж, которому всё это каза-

лось пустяками. Но когда Мелл положил свой “корабль” на подоконник и отступил, я заметила, как старший мальчик смотрит на эту мелкую вещь. С непонятым выражением. Может быть, с завистью. Может быть, с облегчением. Может быть, просто с осторожностью человека, который давно не видел, чтобы чьё-то место признавали всерьёз.

За водой мы нашли узкую дверь рядом с кухней. Вчера её не было или я её не заметила. За дверью оказалась маленькая каменная умывальная комната с большим пустым чаном и трубой в стене. Мелл сказал, что вода иногда приходит сама, если не злить северный коридор.

— А как его не злить? — спросила я.

— Не говорить, что он кривой, — ответила Тайра слишком быстро.

— Ты говорила?

— Он и правда кривой.

Лиссар устало закрыл глаза.

Я подошла к трубе, повернула тугой вентиль. Ничего не произошло. Я попробовала ещё раз, но металл только хрипло скрипнул.

— Не работает.

— Я же сказал: иногда, — тихо напомнил Мелл.

Тайра оттолкнулась от стены.

— Можно сходить к колодцу. Если он сегодня не в кустах. Я насторожилась.

— Колодец тоже меняет место?

— Нет. Просто кусты растут.

— Быстро?

— Нахально.

В итоге мы нашли колодец за домом, действительно наполовину скрытый разросшимися ветками. Дорога к нему была заросшей, но каменные плиты ещё держались. Пока Лиссар проверял верёвку, я осмотрела задний двор: пустые грядки, покосившаяся беседка, несколько сломанных ящиков у стены, старый навес с досками. Всё это выглядело не страшно, а бесконечно запущенно. Как будто дом не был проклят сам по себе. Его просто долго бросали, а потом начали бояться последствий собственного равнодушия.

Вода в колодце оказалась холодной и чистой. Мы принесли два ведра, облились почти до колен, потому что Мелл споткнулся, а Тайра попыталась “спасти остатки достоинства ведра” и расплескала ещё больше. Лиссар ворчал, но сам взял самое тяжёлое ведро и не дал мне нести его до кухни.

— Ты не обязан, — сказала я.

— Знаю.

— Тогда почему?

— Потому что если вы упадёте, Трелл скажет, что мы вас сломали.

Он произнёс это сухо, почти равнодушно. Но равнодушия там не было. Там был опыт: что бы ни случилось, виноваты будут они.

Я остановилась у задней двери.

— Лиссар.

Он обернулся не сразу.

— Если я упаду, это будет означать, что я устала, споткнулась или плохо смотрела под ноги. Не что вы меня сломали.

— Вы так говорите сейчас.

— Да. И буду говорить потом.

— Потом все говорят иначе.

— Тогда напомним тебе, что я обещала.

Он посмотрел на меня с мрачным сомнением.

— Я не собираюсь ничего вам напоминать.

— Как хочешь. Но я всё равно запомнила.

Тайра тихо сказала Меллу:

— Запиши на стене. Вдруг стена умнее нас и поверит.

Мелл серьёзно кивнул, и я не поняла, шутят они или нет.

К полудню мы привели кухню в состояние, которое можно было назвать началом жизни. Не порядком, нет. До порядка было далеко. Но стол отмылся, полки перестали пугать сломанной пылью, посуда нашлась в нижнем шкафу, а в углу появилась маленькая кучка вещей, которые “можно чинить”. Тайра торжественно присвоила этой кучке имя “будущие сокровища”, и Мелл положил рядом пуговицу, похожую на глаз дома.

Лиссар, казалось, не участвовал. Он то стоял у двери, то проверял коридор, то исчезал на несколько минут и возвращался с новыми предметами: мотком верёвки, двумя целыми ложками, связкой ржавых крючков, маленьким молотком

без ручки. Всё это он выкладывал на стол молча, будто вещи сами приходили к нам, а он просто случайно шёл рядом.

Когда я предложила заняться комнатами, дети снова напрыглись.

— Каждому нужна своя полка или ящик, — сказала я. — Не обязательно комната сразу. Начнём с места для вещей.

— У меня нет вещей, — отрезал Лиссар.

— Есть кочерга.

Тайра прыснула.

— И мрачное лицо. Его тоже надо куда-то складывать на ночь.

Лиссар даже не посмотрел на неё.

— У меня нет вещей, — повторил он.

Я не стала спорить. Вместо этого подошла к складу под лестницей и вытащила оттуда три небольших ящика. Один был с трещиной, другой без крышки, третий пах сыростью, но все можно было использовать. Мы вынесли их на кухню, отмыли настолько, насколько позволяла холодная вода, и поставили у стены.

— Этот Меллу, — сказала я. — Этот Тайре. Этот Лиссару.

— Я сказала, что у Мелла вещей больше, — напомнила Тайра.

— Значит, ему потом найдём ещё один.

— А если Лиссар не хочет?

— Его ящик может стоять пустым, пока он не решит иначе.

Лиссар смотрел на третий ящик с таким выражением, будто я положила перед ним ловушку.

— Зачем?

— Чтобы у тебя было место, куда никто не полезет без разрешения.

Он усмехнулся.

— В этом доме?

— В этом доме.

— Вы не можете это обещать.

Я присела рядом с ящиком и провела пальцем по старому дереву. На боковой стенке виднелся выцветший знак крыла. Не такой, как на воротах. Меньше. Грубее. Будто кто-то когда-то вырезал его детской рукой.

— Давай проверим.

— Как?

— Положи туда что-нибудь.

— Нечего.

Тайра вдруг сняла с волос криво завязанную ленту и бросила ему.

— На. Скажешь, что взял в плен.

— Мне не нужна твоя лента.

— Конечно. Она же слишком весёлая для твоей великой скорби.

— Тайра.

— Что? Я помогаю эксперименту.

Лиссар сжал ленту в руке так, будто хотел бросить обрат-

но, но почему-то не бросил. Подошёл к ящику, положил её внутрь и резко закрыл крышку.

В кухне стало тихо.

Мелл подошёл ближе, прислушался.

— Дом понял.

— Что именно? — спросила я.

— Что трогать нельзя.

Лиссар посмотрел на ящик.

— Ты уверен?

Мелл кивнул.

— Он сказал: “его”.

Я почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

Не от страха. От важности момента. Старый дом, который менял комнаты, закрывал двери и шептал чужими голосами, только что признал право ребёнка на маленький ящик с чужой лентой внутри. Такое простое право, что в нормальном доме его никто бы не заметил. А здесь оно прозвучало почти как первая победа.

Лиссар медленно провёл рукой по крышке.

— Если она пропадёт, я скажу, что это вы придумали.

— Скажешь, — согласилась я.

Тайра нахмурилась.

— Только попробуй потерять мою ленту. Она была почти красивой.

— Была, — сказал Лиссар.

— Вот видите? Он умеет быть благодарным, просто дела-

ет это так, что хочется кинуть в него ложкой.

Мелл тихо засмеялся, и кухня будто стала светлее.

А потом на стене у двери проступило тёмное пятно.

Сначала я решила, что это влага. Потом пятно вытянулось, стало похоже на крыло, но крыло было надломлено. От него отделились три тонкие линии и потянулись в разные стороны: одна к Лиссару, одна к Тайре, одна к Меллу. Линии не касались детей, но воздух вокруг них стал плотнее.

Лиссар резко отступил.

— Не смотрите.

— Что это?

— Не смотрите!

Тайра побелела и отвернулась к окну.

Мелл зажал уши ладонями.

Я тоже хотела отвести взгляд, но не успела. Линии дрогнули, и на мгновение я увидела не стену кухни, а что-то другое: большой зал главного замка, праздник, много света, взрослые лица, требовательные взгляды. Лиссар стоял в центре, маленький, напряжённый, с вытянутой вперёд ладонью. Перед ним на серебряной подставке была свеча. Все ждали.

Он не мог её зажечь.

Потом чей-то голос сказал: “Наследник без огня — это не наследник”.

Видение оборвалось.

Я пошатнулась и схватилась за край стола.

— Я просил не смотреть, — сказал Лиссар.

В его голосе не было злости. Только усталость. Та самая, взрослая, страшная усталость, от которой у детей рано появляются складки у рта.

— Это дом показал?

— Он иногда показывает то, что считает важным.

— Это было на празднике Огня?

Лиссар молчал.

Тайра тихо сказала:

— После этого его отправили сюда.

— Не после этого, — резко возразил он.

— Почти после.

— Ты не знаешь.

— Я всё знаю. Ты тогда три дня не разговаривал даже с Меллом.

— Тайра, хватит.

Она отвернулась, но плечи у неё дрожали. Не от смеха.

Я медленно выпрямилась.

— Лиссар, огонь — это не всё, что делает тебя наследником.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала самую глупую вещь в мире.

— Вы правда не понимаете, где оказались.

— Понимаю меньше, чем хочу. Но точно знаю: если ребёнок не смог зажечь свечу перед взрослыми, это не делает его пустым местом.

— Для драконов делает.

— Для плохих драконов.

— Вы сейчас назвали половину Совета плохими драконами.

— Нет. Я подумала гораздо хуже, но вслух сказала только это.

Тайра резко всхлипнула и тут же попыталась превратить это в смешок. Не получилось.

Лиссар смотрел на меня долго. Потом сказал:

— Я не держу огонь. Он появляется и гаснет. Или не появляется вовсе. Иногда рядом со мной гаснет чужой. Иногда трескаются печати. Иногда всем становится холодно. Они решили, что лучше держать меня здесь, пока не найдут способ... пока не решат, что делать.

Он оборвал себя на полуслове, и я была благодарна ему за это. Мне не хотелось слышать те слова, которые взрослые могли использовать вместо “ребёнок”.

Я подошла к очагу. Кухонному, маленькому по сравнению со старым залом, очищенному вчера нашими руками. Положила в него несколько сухих щепок, но не стала искать искру и не попросила Лиссара ничего делать.

— Посмотри, — сказала я.

Он напрягся.

— Зачем?

— Просто посмотри. Не зажигай.

— Я сказал, не могу.

— А я сказала, не прошу.

Я положила ладонь на край очага, туда, где камень вчера показался мне почти живым.

— Дом, если ты нас слышишь, нам не нужен огонь для проверки Лиссара. Нам нужно понять, что с ним происходит, без боли и без чужих глаз.

Тайра шёпотом сказала:

— Вы опять разговариваете с домом так, будто он сосед.

— С некоторыми соседями труднее.

Камень под моей ладонью стал тёплым.

Не загорелся. Не вспыхнул. Просто потеплел, а потом на серой внутренней стенке очага проступила тонкая линия. Не пламя. Знак, похожий на недорисованное крыло.

Лиссар втянул воздух.

— Это не моё.

— Почему ты так решил?

— Моё гаснет.

Он сказал это с такой уверенностью, что я не стала спорить. Вместо этого взяла одну щепку и положила её ближе к знаку.

Щепка не загорелась.

Зато тёплая линия на камне потянулась к ней и остановилась совсем рядом, не касаясь. Как будто не могла перейти последний промежуток.

— Может, твой огонь не исчез, — сказала я медленно, стараясь не делать выводов быстрее, чем имела право. — Может, он заперт не там, где все его ищут.

Лиссар резко посмотрел на меня.

— Где?

— Не знаю.

— Тогда не говорите.

— Хорошо. Не буду утверждать. Но буду думать.

— Думать тоже опасно.

— Я заметила, что в этом доме опасно почти всё.

— Особенно надежда, — сказала Тайра слишком весело.

— Она громкая и потом долго падает с лестницы.

Я повернулась к ней.

— А зеркала?

Улыбка исчезла с её лица мгновенно.

Я не хотела пугать её. Вопрос вырвался потому, что после Лиссара я вдруг поняла: каждый из детей носит не “опасность”, а запрет на какую-то часть себя. Лиссар не мог удерживать огонь. Мелл слышал дом и думал, что виноват в его голосах. Тайра смеялась над всем, кроме зеркал.

— Что зеркала? — спросила она.

— Ты боишься их?

— Нет.

Слишком быстро.

Лиссар сказал:

— Не надо.

Но Тайра уже вскинула подбородок.

— Я не боюсь. Просто не люблю, когда вещи врут.

— Что они показывают? — спросила я.

— Какая разница? Всё равно не то.

— Тайра.

Она резко отвернулась к окну.

— Они показывают меня такой, какой меня видят другие.

Иногда смешно. Иногда противно. Иногда я вообще не понимаю, кто это. В главном замке зеркала показывали девочку, которая всё портит. Здесь они иногда показывают... —

Она замолчала, сжала пальцы на краю стола и добавила тише: — Неважно.

Мелл подошёл к ней и осторожно коснулся её рукава.

— Вчера оно показало, что ты плачешь.

— Я не плакала.

— В зеркале плакала.

— Значит, зеркало дурак.

— Тайра, — сказал Лиссар, но уже мягче.

Я посмотрела на стену рядом с очагом, где ещё держались следы надломленного крыла. Не болезнь, не телесная беда, не проклятие в простом смысле. Скорее — отказ рода признать то, что у детей есть право быть разными. Право на огонь, который не похож на ожидаемый. Право на отражение, которое не принадлежит чужому взгляду. Право слышать дом и не считаться из-за этого виноватым.

Я не знала, права ли.

Но впервые увидела направление.

— Сегодня мы не будем искать зеркала, — сказала я.

Тайра тут же насторожилась.

— А завтра?

— Завтра тоже не будем, если ты не захочешь.

— А если дом захочет?

— Тогда дом подождёт.

Стена тихо скрипнула.

— Слышите? — Тайра ткнула пальцем в воздух. — Он возражает.

— Пусть возражает в письменном виде, — сказала я и взяла со стола грязную тряпку. — А пока у нас кухня, вода и ящики.

Мелл вдруг улыбнулся. Почти незаметно, но я увидела.

Эта улыбка стоила половины бессонной ночи.

К полудню у каждого ребёнка было место. Маленькое, смешное, временное, но своё. Ящик Мелла стоял у окна, рядом с Вельсом-кораблём и деревянным дракончиком, которого он всё же решил положить внутрь, но крышку закрывать не стал. Ящик Тайры расположился под полкой; туда она бросила ленту, потом забрала обратно, потом снова бросила, заявив, что проверяет дом на терпение. Ящик Лиссара остался у стены, закрытый, с лентой внутри. Больше он ничего туда не положил, но и убрать не потребовал.

Потом мы нашли маленькую комнату рядом с кухней.

Вчера, если верить детям, там был чулан с пустыми рамами. Сегодня дверь открылась в узкое, но светлое помещение с двумя окнами и длинной лавкой у стены. Обои отставали, пол был пыльным, в углу лежал сломанный карниз, за-

то здесь не было тяжёлого чувства закрытой ловушки.

— Это будет дневная комната, — решила я.

Тайра огляделась.

— У неё нет настроения.

— Значит, мы его принесём.

— Откуда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.